

Иной либерализм Учиться по американским прописям

Борис МЕЖУЕВ, Александр ПАВЛОВ

Реванш

Выражение «либеральный реванш» сегодня в нашей стране можно услышать довольно часто*. Причина тому – появление на вершине властной пирамиды России Дмитрия Медведева, человека, которого как сторонники российской власти, так равно и некоторые ее оппоненты упорно подозревают в приверженности к либерализму. Высказывания Медведева – в частности, об укреплении права и законности в нашей стране, о борьбе с «правовым нигилизмом», о юридических гарантиях малому бизнесу, освобождении его от административной опеки – и в самом деле звучат либерально. Однако либеральные речи в том же духе произносили и все прежние российские руководители, включая Владимира Путина. Трудно найти человека, каких бы антилиберальных взглядов он ни придерживался, который был бы готов публично выступить в защиту «правового нигилизма» или подвергнуть сомнению необходимость юридической защищенности личности от властного произвола. В этом смысле в России давно сложился, по крайней мере в теории, либеральный консенсус, и никакой реванш здесь не требуется.

Между тем люди, которые называют себя либералами, сегодня явно чем-то недовольны (и не только в практике власти, но и в ее идеологии), и они продолжают требовать каких-то «перемен», надеясь на их осуществление в эпоху Медведева. При этом, безусловно, свои пожелания они рассматривают в качестве реализации той самой «либеральной» экономической программы, от которой якобы отступил Владимир Путин, прежде всего в последний срок своего правления.

Если почитать наших наиболее концептуально мыслящих либералов типа Андрея Илларионова, то окажется, что, с их точки зрения, главным пунктом либеральной доктрины является минимальное вовлечение государства в экономику, количественно выражающееся в первую очередь удельным весом в ВВП государственных расходов. С точки зрения либералов этого направления, уровень государственных расходов в ВВП не должен превышать 18–20 процентов, причем чем ниже этот уровень, тем в большей степени оказывается обеспечен экономический рост. Соответственно основной мотив оппозиционности либералов, помимо разного рода внешнеполитических и общеидеологических претензий, к Кремлю состоит прежде всего в отказе во второй срок Путина от политики дальнейшего сокращения госрасходов и создании особой формы собственности – государственных корпораций, призванных реализовывать те или иные проектные задумки правящей бюрократии.

Российские либералы подобным нововведением очевидно недовольны. По словам Марка Урнова, декана факультета политологии ГУ-ВШЭ, которые приводит газета «Известия»: «Нам в первую очередь необходима демонополизация, включая уход государства из ключевых отраслей экономики, ну или хотя бы минимизация их присутствия. Госкорпорации совершенно непрозрачны. Зачем они нужны, кроме как для перераспределения финансовых ресурсов в пользу людей, их контролирующих? Это язва, нарыв, с которым надо кончать!». Вторя своему единомышленнику по либеральному лагерю, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН Евгений Гонтмахер на майском заседании Экономического клуба провозгласил три революционных лозунга: «Свободу бизнесу!», «Власть народу!», «Анархия – мать порядка!»**.

* См., в частности, статью Александра Елисеева «Новые девяностые? Либеральный реванш как побочный эффект» // АПН, 18 апреля 2008 г. <http://www.apn.ru/publications/article19790.htm>.

** См.: Савиных А. Если бы я был президентом // «Известия», 20 мая 2008 г. <http://www.izvestia.ru/economic/article3116234>.

Между тем за океаном, в Соединенных Штатах Америки, где в 2008-м произойдет смена режима, многие эксперты и наблюдатели также ожидают некоторых либеральных преобразований, связывая эти предполагаемые изменения в первую очередь с обоими кандидатами от Демократической партии. Наверное, наши читатели немало удивятся, если узнают, что американские либералы хотят не только совершенно иных, но и прямо противоположных, чем отечественные либералы, изменений – отказа с той или иной степенью радикальности от принципов ничем не ограниченного рынка, приведших к кризису на рынке ипотечного кредитования, и государственного вмешательства в экономику. Именно эта – дирижистская и в какой-то мере патерналистская со стороны государства в отношении общества – позиция и считается в Америке либеральной. Тогда как те принципы и идеи, которые называются в России либеральными, в США попадают в разряд консервативных.

В чем тут дело? Почему один и тот же термин – «либерализм» – имеет столь разный смысл в России и Америке?

Либерализм с американской спецификой

Либерализм «минимального государства» – это единственная разновидность либерализма, представители которой сегодня в России продолжают называть себя либералами. Андрей Илларионов в самое последнее время возглавил политическое движение – Союз «Либеральная хартия». В него вошли те, кто разделяет принципы, высказанные в документе, написанном в 1992 году группой экспертов во главе с известным экономистом Виталием Найшулем и опубликованном 23 февраля того же года в газете «Сегодня». Наряду с другими не вызывающими возражений положениями Хартии там присутствовали и два таких пункта: «14. Государство не вправе вести деятельность, не связанную с применением насилия. 15. Государство не вправе вести деятельность, которую осуществляют или могут осуществлять негосударственные лица»*. Согласно авторам Хартии, государство – это полицейский, но не менеджер и не соработник. Однако государство финансирует не только полицию и вооруженные силы, но также и те организации, которые не имеют никакого отношения к «насилию», в частности бесплатные школы, университеты, больницы, разного рода управления и министерства. Таким образом, из Хартии недвусмысленно следовало, что всего этого в цивилизованной стране быть не должно. Впрочем, получалось, что за вычетом тюрем и полиции в стране вообще не должно быть ничего, что не решится из соображений благотворительности взять на себя крупный капитал. Или же некие самоуправляющиеся муниципалитеты, готовые раскошелиться на научные лаборатории, библиотеки и художественные театры. Конечно, этот манифест представляет собой крайность, однако предположение о том, что государству не следует вмешиваться в экономику, иначе чем для обеспечения конкурентной среды для частного бизнеса, представляет собой общий пункт воззрений отечественных либералов.

На многочисленные возражения оппонентов относительно того, что в развитых экономических странах доля государственных расходов редко снижается ниже тридцати процентов (как в США), а чаще всего достигает процентов пятидесяти (как в большинстве стран Европы), что государственные инвестиции необходимы для совершенствования инфраструктуры российской экономики, российские либералы, как правило, указывали на неэффективность именно отечественного слоя управленцев, погрязших в коррупции и органически не способных действовать в рамках правовых норм. Нельзя сказать, что все эти утверждения были лишены почвы, случаи административного произвола, и в частности так называемого рейдерства – захвата собственности посредством использования силового ресурса, сегодня на устах у всех. Наша бюрократия и в самом деле далека от идеального прусско-германского образца, а наши силовые органы, увы, не сплочены презрением к «желтому дьяволу».

* См.: две редакции Либеральной хартии размещены на сайте Московского Либертариума. http://www.libertarium.ru/libertarium/1_libsb2_1-1.

Поскольку соответствующая идеология была выдана чуть ли не за единственную разновидность либерализма как такового, она вызвала неизбежный протест. Ярчайшим выразителем этой консервативной, точнее антилиберальной, реакции можно считать Александра Дугина, который в недавнем своем эссе с характерным названием «Либерализм – угроза человечеству» возвел все российские беды последнего времени чуть ли не к Джону Локку. «...Даже в новой его фазе само собой разумеюся навязывания либерализм (и постлиберализм), – утверждал Дугин, – может (и должен – я в это верю!) быть отвергнут. И если за ним стоит вся мощь инерции Нового времени, дух Просвещения и логика политической и экономической истории европейского человечества в последние века, то он должен быть отвергнут вместе с Новым временем, Просвещением и европейским человечеством в целом»*. Иными словами, целая эпоха европейской истории, а вместе с ней права и свободы, юридическая норма и личная ответственность, Иммануил Кант наряду с Джоном Дьюи и Джоном же Стюартом Миллем – все это без оглядки отпавлялось в топку истории на том основании, что некие либералы привели великую Россию и весь мир к краху.

Страх героев антилиберального сопротивления перед возвращением к публичной жизни политических деятелей, испытывающих биологическую вражду к российскому государству и этой вражде дарующих имя «либерализм», вполне закономерен. Столь же закономерен и страх интеллигентов относительно усиления влияния тех сил, которые собираются зараз «отвергнуть Новое время, Просвещение и европейское человечество».

Наша бюрократия и в самом деле далека от идеального прусско-германского образца, а наши силовые органы, увы, не сплочены презрением к «желтому дьяволу»

Между тем, как уже было сказано, люди, которые были бы готовы подписаться под положениями Либеральной хартии, в одной из наиболее либеральных стран, Соединенных Штатах Америки, либералами не именуется. Люди примерно таких воззрений и возглавили в 1950–1960-е годы консервативное движение в США, направленное против господства либерализма в американской политике, то есть против характерной для либеральной элиты убежденности в том, что государство не только может, но и должно, обязано участвовать в общественной жизни, направлять и руководить ею.

Либерализм в американском понимании этого слова господствовал в США более сорока лет – с 1933 по 1979 год. С момента прихода в Белый дом президента Рузвельта вплоть до появления в нем президента Рейгана, первого открытого оппонента рузвельтовского Нового курса, который смог стать лидером всей Америки. Вплоть до рейгановских времен в Америке существовал довольно прочный «элитный консенсус» о том, что вмешательство государства не только в экономику, но и в общественную жизнь в целом – дело и либеральное, и вместе с тем однозначно прогрессивное. Просто по той вполне очевидной причине, что освобожденный от всех государственных ограничений частный интерес едва ли сделает американское общество более развитым и вместе с тем более свободным. А важнейшее кредо американских либералов состояло и состоит в том, что свобода от развития неотделима. Необразованный, не включенный в общественную жизнь человек при всей возможной эмансипации от государства не будет по-настоящему свободен. «Важнейшее – в долговременной перспективе – значение для эмансипации человеческой личности явно имеет образование, особенно высшее. Помимо всего прочего, образование представляет собой орудие разрушения слепой веры и ее замены более критическими убеждениями»**, – писал выдающийся американский экономист либерального направления Джон Кеннет Гэлбрейт.

* Дугин А. Либерализм – угроза человечеству // «Профиль». 2008. № 12 (568). <http://www.profile.ru/items/?item=25806>.

** Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., СПб., 2004. С. 525.

Именно в период «элитного консенсуса» относительно необходимости значительного присутствия государства в экономике – с 1930 по конец 1970-х годов – Америка смогла стать лидером индустриального мира, ввести основы социального государства, преодолеть расовую сегрегацию и сократить имущественное неравенство, добиться грандиозного технологического рывка в области информационных технологий и Интернета, полететь на Луну и т. д. Нам, впрочем, в рамках данной статьи существенно важны не столько достижения данной эпохи, сколько то, что она именовалась либеральной в прямом противоречии с европейским, так же как и российским, смыслом слова «либерализм». Между тем возникает вопрос, очень часто поднимающийся в дискуссии о либерализме: насколько американских либералов можно считать подлинными либералами? Не является ли либерализм в специфически американском смысле феноменом, аналогичным американскому же «футболу» (напомню, что в США «футболом» называют игру, не имеющую почти ничего общего с футболом европейским, который в Америке зовется «соккером», и напоминает скорее регби)? Ортодоксальный последователь европейского, так называемого классического, либерализма экономист и социолог Фридрих фон Хайек, в частности, считал, что последователи Рузвельта, фактически социал-демократы, незаконно присвоили себе термин «либералы», создав путаницу, усложнившую всю политическую жизнь США на долгие годы.

Мнение о том, что либерализм по-европейски и по-американски – это нечто совсем разное и к единому знаменателю не сводимое, разделяют многие и в нашем Отечестве. На наш вопрос о том, относятся ли либерализм как таковой и либерализм американский как род и вид или же они представляют собой два совершенно разных феномена, отечественный философ Алексей Руткевич ответил следующее: «Под либерализмом обычно понимаются настолько разные вещи и настолько разные мыслители, что их просто невозможно сопоставлять. В Европе либералы – это одно, а в США – совсем другое. Разумеется, у либералов есть общие идеалы. Есть единое ядро – политическая и экономическая свобода. Однако чтобы разобраться в нюансах, нужно подробно рассматривать почти два столетия политической мысли». Вероятно, исходя из характерного для американских консерваторов, в чем-то похожего, подозрения в том, что все либералы в Америке – скрытые социалисты, американский либерализм и не получил признания в России. В особенности среди наших либералов. «Социализм Сталина, социализм Гитлера и социализм Клинтонна, разумеется, весьма различные вещи, но для России, прожившей под косвенным или прямым господством социализма девяносто один год из ста, пережившей Сталина и Гитлера, даже отдаленное, даже клинтоновское родство современного мира с социализмом – вещь невыносимая*», – сказал в 1999 году в интервью журналу «Логос» историк и политический публицист Модест Колеров. К вопросу о том, насколько Клинтонна можно считать либералом и тем более социалистом, мы еще вернемся.

Наследники Гамильтона

История государственного вмешательства в экономику для защиты национального производителя или же для активного преобразования общества восходит еще ко временам отцов-основателей американского государства. Идеологом данного вмешательства был, впрочем, отнюдь не либерал, а как раз убежденный консерватор в самом что ни на есть европейском понимании этого слова, в смысле защиты всевозможных прав и привилегий, один из авторов американской конституции Александр Гамильтон. Гамильтон был сторонником преобразования Штатов в промышленное государство, в значительной степени для укрепления власти промышленного класса, обладавшего финансовым могуществом и политическим влиянием. Гамильтон, выступив против экономического либерализма в духе Адама Смита, предложил защитить американскую промыш-

* Модест Колеров отвечает на вопросы «Логоса» // «Логос». 1999. № 11/12. http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/03.htm.

ленность высоким тарифом, препятствующим проникновению импорта. Вместе с тем Гамильтон рекомендовал государству иногда вопреки желаниям штатов и местных властей начать промышленную экспансию в отдаленные сельскохозяйственные регионы Америки, что, кстати, и стали делать первые президенты Америки начиная с Джона Куинси Адамса. Согласно гамилтоновской системе, которая вскоре была названа «американской», государство должно было выступать в качестве ведущего партнера в связке с крупным бизнесом.

Оппонентом Гамильтона, взявшим на вооружение идеи классического либерализма, стал будущий третий президент США Томас Джефферсон, который защищал интересы фермеров и плантаторов. Джефферсон относился к активности федерального правительства, прежде всего в области экономики, с глубочайшим недоверием. Если защитник элитных кругов Гамильтон стремился к индустриальному развитию своей страны, то демократ Джефферсон мечтал о сельскохозяйственной республике, которая могла бы прекрасно себя чувствовать в качестве аграрной периферии Европы. Как пишет историк Артур Шлезингер, «он видел Америку будущего как рай для мелких хозяйств, сельскую Аркадию, где каждый свободный землевладелец чувствует себя в безопасности под своей виноградной лозой и своей смоковницей»*. Между тем активность федерального правительства, прежде всего в плане строительства дорог, продолжалась в течение всего XIX века, когда огражденная высоким импортным тарифом промышленная Америка представляла собой самое мощное в западном мире протекционистское государство. Последним оплотом джефферсоновства и соответственно классического либерализма в Америке, казалось, оставался плантаторский Юг, упрямо сопротивлявшийся навязываемому Севером индустриальному развитию.

Необразованный, не включенный в общественную жизнь человек при всей возможной эмансипации от государства не будет по-настоящему свободен

Парадокс истории состоял в том, что именно поражение Юга в Гражданской войне с Западом дало джефферсоновству новую жизнь. На арену истории выступила новая мощная сила, угрожавшая самим основам республики, — частные корпорации. Протекционистский тариф гарантировал им высокие прибыли, однако монополии обладали всеми возможностями диктовать высокие цены, не обеспечивая их соответствующими зарплатами. Экономике периодически сотрясали кризисы конъюнктуры, ударявшие прежде всего по наименее обеспеченным слоям населения. Джефферсоновские ортодоксы вроде президента Гровера Кливленда реагировали на эти процессы со стоическим равнодушием, отвергая «распространенные в народе беспочвенные ожидания от правительства каких-то особых индивидуальных благ.. Это народу надлежит проявлять патриотизм и готовность поддержать правительство, тогда как в функции правительства не входит оказание помощи народу»**.

Возрождение гамилтонианства пришлось на самое начало XX века, когда стало очевидно, что, не оказывая «помощи народу», не вмешиваясь в экономику, следуя сомнительным рецептам крайне устаревшего к тому времени экономического либерализма, правительство утрачивает свое влияние. Именно тогда, период президентства республиканца Теодора Рузвельта, провозгласившего себя «врагом трестов» и «новым националистом», и возникает современный, или социальный, либерализм в его характерно американском понимании. Крестный отец американского либерализма публицист Герберт Кроули, основатель журнала *The New Republic*, впервые попытался соединить в рамках одной идеологии джефферсоновский антиэлитаризм, преданность идеалам демократии и гамилтоновское убеждение в необходимости государственного интервенционизма в частный сектор. Эта связка и стала фундаментальной для воссоздания «нового либерализма» или «про-

* Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 314.

** Цит. по: Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 336.

грессивной политики», политики сокращения той пропасти, которая разделяла в Америке богатых и бедных, белых и черных. Государство в Америке неожиданно обрело свою цель, свою задачу, свою миссию, отвергаемую теми поклонниками Джефферсона, кто видел в правительстве исключительно полицейского и, подобно авторам Либеральной хартии, предписывал ему ограничиваться лишь легитимным насилием. Либералы в Америке полагали, что у государства имеется своя задача, своя миссия делать общество более открытым человеческим возможностям в самом разном понимании этого слова.

Как написал Артур Шлезингер в своем знаменитом эссе «Либерализм в Америке»: «Американский либерал полагает, что общество может и должно быть улучшено и что путь к улучшению состоит в приложении человеческого интеллекта к социальным и экономическим проблемам. Со своей стороны консерватор выступает против попыток добиться изменений, ведущих к определенной цели, особенно когда эти попытки угрожают существующему распределению власти и богатства, — потому что консерватор полагает, что положение вещей настолько хорошо, насколько это возможно, и что любая перемена с большей вероятностью обратит все к худшему»*.

Без вовлечения государства, без отвержения мифов о всепасающей роли частной инициативы уничтожить разрыв между богатыми и бедными было невозможно. Именно поэтому политика Франклина Рузвельта по выходу из Великой депрессии была названа им и его последователями либеральной. Прежде всего Рузвельт начал активнейшую политику по инфраструктурному обеспечению сельскохозяйственных регионов Юга, а также по оснащению аграрного сектора необходимыми средствами на образование и техническую помощь. Затем Рузвельт обнаружил способ предотвращать экономические кризисы. До этого времени спад хозяйственной конъюнктуры воспринимался как что-то совершенно нормальное для экономики, как естественная плата за производственный рост. Однако плата оказывалась чрезмерно высокой, и государство нашло способ не допускать экономических кризисов посредством постоянно поддерживаемого спроса. В течение пятидесяти лет все американские президенты считали необходимым следовать тем же кейнсианским, то есть с американской точки зрения либеральным, принципам. Президент Никсон в 1970-х утверждал: «Все мы — кейнсианцы», подчеркивая либеральный, а отнюдь не консервативный характер своего экономического курса. Капитализм обрел свое «человеческое лицо» и стал в конце концов выглядеть намного привлекательнее, чем социализм с общественной собственностью и плановой экономикой, именно за счет того, что ему удалось найти способ отводить от населения угрозу голода и массовой безработицы... Однако за удовольствие нужно было платить, и такой платой для Америки стала высокая и устойчивая инфляция, в 1970-х годах существенно затормозившая экономический рост. Тут-то на выручку начавшему несколько стагнировать капитализму и пришла вновь классическая экономическая теория, которую к тому времени взяли на вооружение оппозиционные прогрессивно-либеральному курсу политические силы.

У движения Америки по пути прогресса имелась своя оппозиция — те, кто был недоволен расширением полномочий федерального правительства, узурпацией прав штатов, в первую очередь в плане насильственной десегрегации, вообще расширением «размеров федерального государства». Стремясь противопоставить либерализму в его американском понимании его собственные истоки, американские консерваторы объявили себя либералами в изначальном, классическом смысле этого слова — то есть именно в смысле *laissez faire* и «минимального государства». Поскольку слово «либералы» к 1950-м годам в Соединенных Штатах прочно утвердилось за сторонниками нового курса президента Рузвельта, его правые противники с 1950-х годов стали называть себя «либертарианцами». Либертарианцы, опиравшиеся на полемические сочинения писательницы Айн Рэнд и экономические труды эмигрантов из Австрии, таких как Людвиг фон Мизес и Фридрих фон Хайек, на-

* Schlesinger A. Liberalism in America: A Note for Europeans (1956) // Schlesinger A. The Politics of Hope. Boston: Riverside Press, 1962. <http://www.writing.upenn.edu/~afilreis/50s/schleslib.html>.

стаивали на том, что экономические плоды традиционного для США либерализма, то есть идеологии нового курса Франклина Рузвельта и Великого общества Линдона Джонсона, оказались не столь впечатляющими и что необходимо возродить традицию «классического либерализма». В 1971 году на платформе экономически консервативных идей в Америке возникла Либертарианская партия, которая является сегодня одной из крупнейших «третьих партий» в Америке. Вроде бы тем самым установилось прочное лексическое различие между двумя понятиями: либерализмом и либертарианством, то есть либерализмом социальным и либерализмом экономическим. Но все оказалось не так просто. Путаница на этом не завершилась.

Капитализм обрел свое «человеческое лицо» и стал в конце концов выглядеть намного привлекательнее, чем социализм с общественной собственностью и плановой экономикой, именно за счет того, что ему удалось найти способ отводить от населения угрозу голода и массовой безработицы...

Во-первых, такие авторитеты либертарианства, как выходцы из России и Австрии Рэнд и Хайек, упорно и упрямо отказывались усваивать американский политический словарь и называть себя консерваторами или же либертарианцами, настаивая на том, что именно они и являются подлинными либералами в отличие от самозванцев из Нового Света*. Сегодняшние американские либертарианцы в принципе не протестуют против того, что их сторонники типа Андрея Илларионова называют себя либералами: такая лингвистическая путаница играет им на руку. Ведь в остальном мире никто никакого различия между либералами и либертарианцами не проводит, а людям социал-либеральных убеждений, которые в США и назывались бы либералами, типа Сергея Глазьева, приходится у себя на Родине вести затяжную и бессмысленную войну с либерализмом как таковым, навлекая на себя обвинения в том, что они выступают не только против неограниченного рынка, но и против «свобод», «прав человека» и независимости личности.

Во-вторых, либертарианство как экономическая доктрина нашло поддержку с неожиданной стороны в 1980-х годах, когда возникла необходимость для международных финансовых организаций обеспечить получение долгов со стран третьего мира. Взгляды вздыхающих по временам сегрегации представителей американского Юга неожиданно совпали с прагматическими установками совершенно иных по менталитету людей, стоящих у руля управления международными финансами. И те и другие неожиданно сошлись во мнении о необходимости сократить «размеры государства», только если американские либертарианцы и консерваторы говорили в первую очередь об Америке и Вашингтоне, то либералы из МВФ и Всемирного банка распространяли их рекомендации на все человечество, точнее, на те страны, которые обращались к финансовой помощи этих организаций.

Наконец, важным событием в истории американского либерализма стал фактический крах основного ее столпа – Демократической партии – на рубеже 1960–1970-х годов. Этот крах имел огромные последствия для политической культуры всего мира. Вьетнамская катастрофа повлекла за собой разочарование в простых модернизационных рецептах для развития новых наций, прописанных американскими либералами по рецептам рузвельтовского нового курса. Кстати, новый курс отдельными чертами поразительно напоминал советскую индустриализацию, только в ее гуманистической, а не репрессивной версии, которая тем не менее включала в себя такие меры, как электрификация страны, инвестиции в сферу высшего технического образования, строительство дорог, широкий государственный кредит и т. д. Неудача либерального «нацистро-

* Hayek F. Why I Am Not a Conservative // The Constitution of Liberty. Chicago: The University of Chicago Press, 1960. http://www.fahayek.org/index.php?option=com_content&task=view&id=46.

ительства» во Вьетнаме бросил тень и на программу «Великого общества», которое вопреки протестам консерваторов пытался создать в Америке Линдон Джонсон – на эту программу (включавшую в себя и дешевое жилье, и массовое образование, и, главное, всеобщее медицинское страхование) не хватило ни денег, ни сил.

В конце концов скомпрометированные Вьетнамом «старые либералы» рузвельтовско-джонсоновского толка отошли в сторону, и на сцену неожиданно прорвалось левое крыло Демократической партии с лозунгами студенческой революции 1968 года. В 1972 году левые демократы закономерно провалились, их представитель в Демпартии сенатор от Южной Дакоты Джордж Макговерн с треском проиграл выборы действующему президенту Ричарду Никсону. Однако с того момента либерализм старого, прогрессивного образца никогда уже не возродился в полную силу. И Картер, и в значительно большей степени Клинтон стали проводить очень странную политику, выражая интересы новой демократической коалиции, коалиции крупного транснационального бизнеса и всевозможных гендерных и этнических меньшинств. Итогом этого синтеза и стал неолиберализм – сочетание умеренного либертарианства в экономической сфере и левого мультикультурализма в сфере социокультурной (чистые либертарианцы в Америке, как последовательные индивидуалисты, выступают против каких-то особых привилегий для меньшинств). Это была, по словам политического теоретика Майкла Линда, либерально-либертарианская коалиция, в которой основной тон задавали именно экономические либералы.

Концептуальной основой данной коалиции при Клинтоне стала всячески «распиаренная» в спекулятивных целях идея «новой экономики» – постиндустриальной волны производства, при наступлении которой кейнсианская политика предотвращения кризисов оказывается уже ненужной тратой денег (ибо кризисов больше никогда не будет), а гамилтоновский протекционизм представляется вредной помехой объединяющей всю планету глобализации. Мировое обществоведение немедленно распространило в тысячах книг идею, что государственный «дирижизм», то есть социальный либерализм, представляет собой продукт бессмысленных попыток отсталых стран осуществить так называемое догоняющее развитие (расхожий термин из социологического лексикона неолиберальных 1990-х годов), которое в конечном счете не может не обернуться пресловутой «дорогой к рабству». Между тем неолиберализм отражал общее тяготение левой политической культуры в последние три десятилетия XX столетия к актуализации преимущественно культурных и социальных вопросов. Отчасти и в этом явно неадекватном неолиберальном изводе социальный либерализм также играл существенную роль в общественной жизни Америки в качестве оппонента так называемой культуры большинства.

Однако крах неолиберального проекта, оказавшегося по существу тривиальным мыльным пузырем, в конечном итоге поставил Соединенные Штаты перед лицом нового кризиса, чреватого огромными социальными последствиями для множества простых американцев. Эти американцы из-за невозможности рассчитаться по кредитам в ближайшем времени рискуют оказаться без приличного жилья, без денег и без работы. Ясно, что либертарианские, джефферсонские рецепты здесь уже не действуют, так или иначе Америку ожидает «либеральный реванш», в смысле – возвращение государства, в первую очередь как социального гаранта от кризисов и потрясений. Но также и как стимулятора продвижения экономики к новому этапу хозяйственной эволюции. Поэтому призрак «либерального реванша» явно разгуливает по Вашингтону, о чем свидетельствуют и откровенно кейнсианские рекомендации Хиллари Клинтон по выходу из кризиса ипотечного кредитования, и неожиданная популяризация во время праймериз в Соединенных Штатах темы протекционизма и защиты американского рабочего класса от угрозы, связанной с утечкой капитала и рабочих мест за рубеж.

И все же в какой мере американские либералы могут считаться именно либералами, без всякой дополнительной конкретизации? Либералами, а не социал-либералами и не социал-демократами? Американские либералы в отличие от европейских социал-демократов никогда не ратуют за национализацию частного бизнеса. Но главное другое. Наиболее влиятельные сторонники либерализма настаивают на том, что в своей поддержке идеи государственной активности они исходят из ценности свободы, а отнюдь не равенства или братства. Другое дело, что не все общественные деятели прогрессивного на-

правления, в последние годы под влиянием клинтонизма сдвинувшиеся влево, сейчас об этом помнят. Слово «либерал» в постклинтоновские годы в принципе приобрело в США несколько презрительный оттенок, поэтому левое крыло демократов, желая подчеркнуть свое отличие от истеблишмента своей партии, предпочитает называть себя прогрессистами. Тем более интересна позиция тех интеллектуалов, кто не отрекается от своего либерализма и продолжает настаивать на том, что американские либералы — это отнюдь не социал-демократы с либеральным оттенком.

Сегодняшние американские либертарианцы в принципе не протестуют против того, что их сторонники типа Андрея Илларионова называют себя либералами: такая лингвистическая путаница играет им на руку

В частности, американский политический философ Уильям Гэлстоун в статье «Выбирая свободу»* призвал либералов ориентироваться не на равенство или справедливость, но именно на свободу, расширив понимание этого термина до знаменитых рузвельтовских четырех свобод: слова, совести, свободы от нужды и от страха. Все содержание предполагаемых социальных преобразований (типа замысленной еще Джонсоном, но не осуществленной по сию пору реформы всеобщего медицинского страхования), по мнению философа, следует свести к расширению пространства индивидуального выбора. В ответ на статью Гэлстоуна выдающийся американский политический теоретик Майкл Линд, согласившись с утверждением свободы как высшей цели для американского либерализма, призвал разделить либерализм индивидуалистический и либерализм республиканский, к традиции которого он отнес и Рузвельта. «Для республиканских либералов свобода, точно определенная в терминах гражданских и избирательных прав, обеспечивается республиканской формой правления, будучи основана на правовом порядке, выборах, сдержках и противовесах, а также на гражданской сознательности и гражданском долге»**. Для либералов республиканского направления все, что усиливает гражданство, иными словами государство, тем самым укрепляет индивидуальную свободу. Государство рассматривается республиканскими либералами не как злостный противник свободы человека, но как необходимый инструмент ее утверждения. Человек, не обладающий соответствующими компетенциями и знаниями для того, чтобы стать гражданином своего отечества, не может считать себя свободной личностью, свободной в том числе и от опеки со стороны государства.

И, может быть, основное. Американский либерализм — это единственно последовательный либерализм эпохи всеобщего равенства, равенства рас, сословий и полов. Если мы хотим распространить идею либерализма на все страны и народы (что, кстати, не рекомендовали делать сами «классические либералы» типа Милля и Спенсера, и не помышлявшие расширять пространство свободы для варварских рас и низших классов), то нам неизбежно придется отойти от всех норм и принципов «либерализма классического», в том числе и в его специфически американской, либертарианской обертке, и называть либералами тех, кто усилиями государства и элиты страны пытается обеспечить, к сожалению, неизбежный и весьма болезненный переход к современному индивидуалистическому обществу, в котором человек оказывается вынужденным действовать и поступать на свой страх и риск. Именно представление о том, что у государства есть цивилизационная миссия и эта миссия состоит в обеспечении политической свободы человека не как эмансипированного

* Galstone W. Taking liberty: liberals ignore and conservatives misunderstand America's guiding value: freedom // «Washington Monthly», April 2005. http://findarticles.com/p/articles/mi_m1316/is_4_37/ai_n13774434.

** Lind M. How should liberals think about liberty? // «Washington Monthly», May 2005. http://findarticles.com/p/articles/mi_m1316/is_5_37/ai_n13803297.

индивида в равнодушной к нему стихии рынка, но как сознательного гражданина собственного государства, и есть отличительная черта либерального сознания, несмотря на все трудности, сохраняющего свое значение в идеологической жизни республиканской Америки.

Пороки «минимального государства»

Либералы «минимального государства» (а сегодня только такие либералы в России и называют себя либералами) по большому счету несут за многие сегодняшние безобразия прямую ответственность. Человек живет не в вакууме, а в какой-то определенной социальной среде, чаще всего эта среда сопротивляется проникновению в нее рыночных отношений. Нормальный человек при нормальном течении событий крайне болезненно относится к рыночной трансформации этой самой среды: здоровый мужчина традиционного общества стремится исполнять ту работу, которую он умеет исполнять, обретая за счет привычного ему и его роду дела уважение и признание со стороны своих соседей и родственников.

Адаптация к рынку, о которой предпочитают отвлеченно рассуждать наши экономические либералы, для многих народов мира означает глубокий нравственный упадок. В обоснование этого тезиса стоит бросить взгляд на некоторые хорошо известные российским туристам страны, значительная часть взрослого мужского населения которых при чаемом сокращении госрасходов вынуждена заниматься исключительно обслуживанием этих самых туристов, если не откровенным попрошайничеством.

Господство рынка при равнодушии государства к обществу представляет собой социальную болезнь, нравственную коррозию социума*, что приводит к широчайшему распространению чувства социальной фрустрации (не всегда компенсируемого увеличившимся заработком), в конце концов – к голосованию из протеста за популистские партии. Это еще хорошо, если подобного экономически «эмансипировавшегося» от государства человека возьмет в свои тиски крупный капитал, в таком случае доступ к благам потребительского общества хотя бы отчасти компенсирует человеку потерю в статусе, хуже, если капитал просто махнет на собственное население рукой, надумав использовать в качестве дешевой рабочей силы представителей еще более отсталых в своем развитии народов.

Итогом деятельности экономических либералов в России стали огромная популярность левых протестных партий и автоматически вытекающее из этого обстоятельство увеличение политической значимости в обществе силовой группировки, гарантирующей бизнесу безопасность собственности и состояний. Наконец, как закономерное следствие разбухших либерализацией appetites возникло то самое рейдерство, посредством которого отстраненные в 1990-х годах от крупной собственности определенные сегменты элиты попытались наверстать упущенное.

Либерализм, который не желает учитывать социальный контекст рыночной трансформации, не желает знать, с какой общественной средой ему приходится иметь дело в процессе экономических реформ, неизбежно завершает свой исторический путь авторитарной катастрофой. И в этом смысле трудно сказать, на что надеются те силы в России, которые продолжают ратовать за экономический индивидуализм как панацею от всех нынешних бед; предоставленное вновь самому себе общество неизбежно качнется влево, что вновь отбросит бизнес-круги вправо, то есть к силовому авторитаризму. И все пойдет по новой.

Итак, России следует не столько опасаться «либерального реванша», сколько надеяться на появление в спектре российских идеологий либерализма, адекватного именно российской социальной среде, именно той задаче технологического рывка, которую она ставит перед собой, а не реалиям американской глубинки и не временам колониального господства

* В обоснование этого тезиса сошлемся на выдающееся исследование 1948 года Карла Поланьи «Великая трансформация».

европейских держав. Либерализма, который станет оценивать меру либеральности и прогрессивности общества не скупостью государственного бюджета и величиной налоговых послаблений, но скорее степенью образованности, социальной обустроенности и экономической защищенности населения России. Российскому человеку необходима государственная помощь для того, чтобы научиться жить в современной городской среде, где важна не только профессиональная специализация, но и способность быстро подстраиваться к новым запросам времени. А для этого необходим широкий и разнообразный рынок труда, выстроить который для российской глубинки и составляет на сегодняшний день задачу либерализма в нашей стране. Только с помощью государства, очевидно, возможно преодолеть нравственную и физическую деградацию населения России, которая особенно заметна как в исконно русских центральных регионах страны, так и в регионах, отдаленных от Москвы, например на Дальнем Востоке и в Сибири.

Для либералов республиканского направления все, что усиливает гражданство, иными словами государство, тем самым укрепляет индивидуальную свободу

России сегодня нужен республиканский, или, что по существу то же, социальный, либерализм, в котором право индивида будет соотнесено с его участием в гражданском сообществе, с его способностью быть гражданином. В котором программа освобождения личности будет дополнена масштабным государственным проектом социальной урбанизации и технологического обновления страны, строительства нового городского общества, соответствующего реалиям поздней индустриальной эпохи. Подобная программа предполагает наличие партнерства между человеком и государством. Однако это партнерство мыслимо только при наличии социального контракта, в котором были бы закреплены все права и обязанности сторон. Очевидно, что российская Конституция может стать основой подобного соглашения, поскольку в первых ее главах уже записаны основные обязанности государства по отношению к личности и, в частности, в статье 7 Россия обозначена как *социальное государство*, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Конституция РФ способна стать основой выработки политической программы социального либерализма. Ведь именно ему в России надлежит завершить то, что не удалось завершить российской городской революции XX столетия в ее очень односторонней – большевистской – форме. А в этом случае невозможно мыслить снижение государственной активности как некую самоцель, к которой надлежит стремиться российским либералам.